

Культура

Глеб Анищенко

«ОТЦЫ И ДЕТИ» — О ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ РОМАНА

Самые яростные споры вокруг «Отцов и детей» не затихали сто лет: с начала 60-х гг. XIX века до 60-х гг. века XX. Роман и хаяли, и хвалили. Самое интересное состоит в том, что очень часто в одном лагере (по отношению к роману) оказывались идейные антагонисты. Скажем, одобрительно относились к тургеневскому произведению нигилист Писарев и почвенник Достоевский. Ругали же роман революционный демократ Антонович, с одной стороны, и консерватор Катков — с другой. Такое противоречие можно объяснить именно отсутствием определённой тенденции в изображении главного героя — Базарова. Это удовлетворяло (по разным причинам) Писарева и Достоевского. Это же возмущало Каткова и Антоновича. Катков хотел бы видеть прямое обличение героя и приписывал Тургеневу «апофеозу "Современника"»; Антонович же, наоборот, жаждал этой «апофеозы» и обвинял писателя в клевет

те на молодёжь. Сам же Тургенев категорически настаивал на своей объективности, непредвзятости. Он писал Фету:

«Тенденция! а какая тенденция в "Отцах и детях" — позвольте спросить? Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? Я этого сам не знаю, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вот тебе и тенденция!.. Скажу Вам одно, что я все эти лица рисовал, как я бы рисовал грибы, листья, деревья: намозолили мне глаза — я и принялся чертить».

Если Достоевский в «Бесах» вступает в борьбу со своими героями, а Чернышевский защищает и восхваляет «новых людей», то в произведении Тургенева, по словам Писарева, *«мы видим то, что просвечивает, а не то, что автор хочет показать или сказать».* Именно это свойство романа делает его своеобразным достоверным документом, объективным свидетельством о нигилистах.

Попытаемся увидеть, что же именно «просвечивает» в главном герое «Отцов и детей». Тургенев не скрывал (письмо Случевскому), что в Базарове он вывел современный ему тип революционера: «Если он называется *нигилистом*, то надо читать: *революционером*». Главное во взглядах Базарова — отрицание. Отрицает он всё: начиная с брака и кончая Богом. *Отрицание, разрушение становятся для нигилиста самоцелью*. «Вы всё отрицаете, или, выражаясь точнее, вы всё разрушаете... Да ведь надобно же и строить», — говорит Николай Петрович Кирсанов. «Это уже не наше дело, — хладнокровно отвечает Базаров, — сперва нужно место расчистить». Стремление к отрицанию рождается у Базарова не как производное от каких-то идей, а как внутреннее ощущение, потребность:

«...Я придерживаюсь отрицательного направления — в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен — и баста».

Что же стоит за этим «ощущением» тургеневского нигилиста? Разные герои романа пытаются ответить на этот вопрос, проникнув за ограду из эпатажных слов, которой окружил себя Базаров. Так, в решающем мировоззренческом споре с нигилистом его главный оппонент Павел Петрович Кирсанов бросает фразу: «Сперва *гордость почти сатанинская*, потом *глумление*».

Учитывая специфику моей темы, было бы некорректным придирается к этому определению, данному вскользь. Я и не стану этого делать, а предоставлю слово двум совершенно разным, но весьма авторитетным критикам, взгляды которых трудно заподозрить в близости к моей концепции.

Первый из них — Д.И. Писарев, человек, воспринявший тип тургеневского нигилиста как родственный самому себе и говоривший в своих статьях практически от имени Базарова:

«Дядя Кирсанова <...> называет его самолюбие "*сатанинской гордостью*". Это выражение очень удачно выбрано и совершенно характеризует нашего героя. Действительно, удовлетворить Базарова могла бы только целая вечность постоянно расширяющейся деятельности и постоянно усиливающегося наслаждения, но, к несчастью для себя, Базаров не признаёт вечного существования человеческой личности».

Второй критик — один из серьёзнейших современных литературоведов Ю.В. Манн:

«...Конфликт Базарова с окружающими исполнен *высшего значения*. Эпитет "*сатанинский*", брошенный Павлом Петровичем, *не пустой звук* по отношению к Базарову. Базарову выпала доля пережить начальную стадию нового и, вероятно, самого мучительного вида

КУЛЬТУРА

отпадения — *отпадения от мира, в котором уже нет Бога*».

Прошу обратить внимание на то, что оба автора незаметно опустили деликатное кирсановское «почти» и оставили одиноким эпитет «сатанинский». Надо думать, что столь радикальные выводы они сделали, оснуясь не на одной реплике Павла Петровича, а на целостном анализе образа Базарова.

Анна Сергеевна Одинцова, наверное, больше всех других героев романа хочет действительно понять нигилиста. Постоянно и в разных формах она задаёт ему вопрос: «Да кто вы?» Ища ответ на этот вопрос, Одинцова на минуту приближает к себе влюблённого Базарова и тут же в ужасе отшатывается от того, что увидела:

«... Она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за неё — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие».

Тот же страх перед приоткрывшейся «бездной» (это слово вообще сопутствует Базарову на протяжении всего романа) испытывает и Аркадий Кирсанов:

«Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал *невольную робость*».

До сих пор я говорил лишь о том, что увидели герои романа. Что

же рассмотрел в Базарове сам автор? Ещё раз хочу подчеркнуть объективность его виденья. Тургенев свидетельствовал, что во время написания романа был почти «медиумом», лишённым собственной воли:

«Тут был, — не смейтесь, пожалуйста, — какой-то *фатум, что-то сильнее самого автора*, что-то независимое от него. Знаю одно: *никакой предвзятой мысли, никакой тенденции* во мне тогда не было; я писал наивно, словно сам дивясь тому, что у меня выходило».

Та неведомая сила, которая вела за собой автора, увеличивала глубину его проникновения в образ *по мере развития действия*. И вот в развязке романа к смертельно больному Базарову обращается отец с просьбой не отказываться от Святого Причащения:

«Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но ещё ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...»

В этот момент Тургенев пристально всмотрелся в лицо своего героя:

«Голос старика прервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, *проползло что-то странное*».

Ответ же Базарова отцу весьма банален, он никак не отражает того «странного», что «проползло» по его лицу.

Это «странное» вновь всплывает тогда, когда нигилист уже не имеет физических сил себя контролировать. К лежащему в предсмертном беспомоществе Базарову родители всё-таки приглашают священника, который и соборует умирающего:

«Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, *один глаз его раскрылся*, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом *что-то похожее на содрогание ужаса* мгновенно отразилось на помертвелом лице».

«Содрогание ужаса» никак нельзя объяснить рационально. Скажем, тем, что Базарову ненавистен церковный обряд: о своём отрицании религии он всегда говорил «с невыразимым спокойствием», без тени сильных чувств, как о чём-то совершенно очевидном. С другой стороны, эту сцену нельзя воспринимать и в символическом плане: он практически (кроме финала эпилога) отсутствует в тургеневском романе. «Смерть Базарова, — писал Тургенев, — должна была, по моему, *наложить последнюю черту на его трагическую фигуру*». «Содрогание ужаса» при соборовании и стало этой «последней чертой», завершающей единый ряд харак-

теристик, данных ранее («сатанинская гордость», «зловещее лицо», «бездна», «пустота или безобразие»). Вглядевшись в своего героя — *отрицателя и разрушителя всего сущего* — в последний миг его земной жизни, объективный художник увидел *беса, содрогнувшегося в ужасе при совершении Святого Таинства*.

От оценки увиденного чистый созерцатель Тургенев в романе отказывается. В многочисленных же комментариях к нему писатель всё время колеблется: то отдаляет, то приближает к себе героя. М.Н. Катков, например, считал, что Тургенев, так же, как и его герои, испугался Базарова:

«Чувствуется что-то *несвободное* в отношении автора к герою повести, какая-то неловкость и принуждённость. *Автор перед ним как будто теряет и не любит, а пуце боится его*».

Двойственность оценки отразилась и в самой развёрнутой (внероманной) характеристике Базарова, данной в письме Тургенева Случевскому:

«Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, здоровая, честная — и всё-таки обречённая на гибель — потому, что она всё-таки стоит в преддверии будущего, — мне мечтался какой-то *странный pedant с Пугачёвым*».

КУЛЬТУРА

* * *

Если иметь в виду, что образ Пугачёва в литературе неразрывно связан с Пушкиным, который в определённый момент увидел в своём герое беса, то параллель между Пугачёвым и современным Тургеневу разрушителем — Базаровым, становится весьма значимой, и на ней можно замкнуть круг моих размышлений об изображении революционера русскими писателями XIX века.

Вывод, вытекающий из второй части работы, очевиден. Тургенев, Чернышевский, Достоевский, написав романы о нигилистах, высветили (каждый по-своему) в изображённых героях бесовское начало. Достоевский — проклинал «бесов», Чернышевский — «благословил», Тургенев — замер в оцепенении страха и соблазна.